

Памятники будущего

текст

Никита Токарев

Что общего у сохранения культурного и исторического наследия с будущим, тем более – далеким? Наследие – ведь это как будто о прошлом? Достойное, но скучноватое занятие, как часто кажется: возникает сразу классический образ ученого-историка, немного не от мира сего, пекущегося о музейных черепках. Практически все, кто сегодня в России говорит об историческом наследии, имеет в виду ее славное (или ужасное) прошлое. Между тем наше наследие формируется сейчас и все большее влияние оказывает на облик завтрашнего и послезавтрашнего дня.

Эта идея положена в основу работы студии Preservation Next («Сохранение завтра») в Институте медиа, дизайна и архитектуры «Стрелка», который открылся в Москве весной 2010 года (директор студии Рем Коолхаас, преподаватели Анастасия Смирнова и автор этих строк). Предпосылками для исследований студии во многом стали идеи, высказанные Коолхаасом в проекте «Хронохаос», показанном на Венецианской биеннале в прошлом году (см. также Проект International, № 26–27). Проект посвящен проблемам сохранения в мировом масштабе и предлагает новый взгляд на наследие.

Его объем постоянно растет в течение последних 40–50 лет: стремительно увеличивается количество памятников и площадь территорий, имеющих тот или иной охранный статус. Наследием (историческим или природным) объявлено по подсчетам АМО 12% суши. «Страна Наследие» – один из крупнейших распорядителей земель на планете. Достаточно сказать, что в России объектом ЮНЕСКО является весь центр Санкт-Петербурга с населением более миллиона человек. Всего же в России, не самой заботливой по отношению к наследию державе, площадь охраняемых территорий составляет около 600 тыс. кв. км (для сравнения площадь Нидерландов – 42 000 кв.км.) или 3.5% от площади страны. Количество памятников в России увеличилось за последние полвека в четыре раза, еще больший рост наверняка проявит формирующийся сейчас общероссийский реестр памятников. Каков прогноз на ближайшие десятилетия: в чем причины и где предел этого роста, можно ли, например, исчерпать запас наследия? Не меняет ли умножение объектов наследия привычной сути памятника как чего-то уникального и именно потому достойного сохранения?

Теме экономики наследия, пока новой для России, посвящено исследование Дениса Леонтьева. Вместе с количественным ростом наследия увеличивается его экономическая роль, прежде всего как объекта туризма. Совокупный бюджет организаций, занимающихся сохранением наследия (ЮНЕСКО, кстати, далеко не самая из них богатая) сравним с бюджетами развитых стран. «Корпорация Наследие» – заметный игрок в мировой экономике, – соответственно, процессы, происходящие в сфере охраны памятников все более определяются экономической конъюнктурой, зависят от мировых кризисов и подъемов, от смены экономических моделей, не в меньшей степени, чем от политики и культуры. Как применить экономические механизмы для сохранения наследия в России – этот вопрос звучит все чаще, его задают и ученые, и активисты, и чиновники, придерживающиеся в остальном противоположных взглядов. «Важно, чтобы у памятника был владелец-хозяин», – писал А. Комеч¹,

«Сохранять должно быть выгодно», – подчеркивает в своих выступлениях глава Москомнаследия А. Кибовский.

Наследие стремительно «молодеет». Минимальный возраст объекта, достаточный для придания ему статуса памятника, стремится к нулю. Когда-то памятниками считали только античные руины, потом к ним добавились средневековые постройки, сегодня в законодательстве многих стран нет ограничения по возрасту (у нас – 40 лет), то есть теоретически даже новое или еще не построенное здание может быть поставлено на государственную охрану. Так, например, произошло с виллой под Бордо, построенной по проекту Коолхааса: теперь ее хозяева не могут ничего изменить в своем доме без согласования соответствующих служб. Таким образом, сохранение вплотную подошло к тому моменту, когда из науки о прошлом станет инструментом прогнозирования будущего. «Омоложение» наследия идет параллельно с ускоренным старением архитектуры, ее моральным и физическим износом. Эту ситуацию в своем проекте исследует Дарья Парамонова. Недалек тот день (2030–50 годы), когда постройки начала и середины 90-х могут быть объявлены памятниками. Что из современного нашего окружения мы возьмем в будущее, что будем охранять и почему?

Всегда ли ценность памятника определяется только его физической оболочкой, которая и становится «предметом охраны»? В списках ЮНЕСКО есть категория «нематериального наследия», к ней относится фольклор, исчезающие языки, традиции и обычаи. Какова нематериальная составляющая самого «телесного» вида наследия – архитектуры? Для России этот вопрос особенно актуален, у нас уже почти сто лет памятник – традиционно «здание без функции». Тему нематериального наследия в архитектуре разрабатывает Куба Снопек на примере московского района Беляево. Типовая, панельная «никакая» архитектура, казалось бы, начисто лишена истории, заряжена смыслами: здесь жил Д. А. Пригов и многие представители московской концептуальной школы 70–80-х годов, художники, философы, писатели. И именно эти анонимные, абстрактные пространства микрорайона были для них и местом жительства, и материалом для творчества. Нематериальное наследие живо до тех пор, пока живы его носители – люди, оно особенно хрупко и сохраниться может, в отличие от вещественной оболочки, только в настоящем.

Интерес студии – в сочетании европейского, глобального подхода, аналитического аппарата с российским материалом. Тема наследия, отношения к прошлому – центральная в нашей культуре и политике постперестроечных лет. Перед нами два прошлых: одно с большой «П» – «Россия, которую мы потеряли» в 1917 году, наделенная всеми мыслимыми достоинствами; другое – с маленькой «п» – советское, вытесненное и вызывающее ностальгию, забытое и потому возвращающееся вновь. Именно поэтому наша работа сосредоточена на наследии XX века от конструктивизма 20-х до деконструкции 90-х. Размышляя о городе будущего, чаще всего мы представляем себе перспективы невиданной архитектуры. Но если посмотреть, сколько зданий, построенных 50 лет назад, стоят сегодня, становится ясно, что город будущего вокруг нас, его нужно увидеть.

1. Известия. 2004. 14 мая.